

Глава 4

В РОССИИ МЕСТО ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО НАВЕРХУ

Развивающиеся страны нередко называют «землей контрастов», но Россия другая, она экстремальнее и сюрреалистичнее. Это страна открытых, явных противоречий. Здешнее правительство жестко контролирует все, что говорят по телевизору, но не то, что пишут в газетах. Средний доход россиян на душу населения составляет около 12 тысяч долларов, но, вероятно, это единственный относительно богатый народ в мире, который живет в постоянном страхе отключения электроэнергии. Многие москвичи ездят на превосходных немецких автомобилях, но организованной службы такси в городе нет. Если вы хотите взять такси, вам придется либо вызвать машину по телефону, либо идти на улицу и «голосовать», то есть останавливать личное авто горожан, готовых подработать частным извозом. Будучи крупным экспортёром пшеницы, Россия вынуждена импортировать миллионы тонн мяса и птицы для внутреннего потребления. Неудивительно, что приезжим крайне трудно понять, что тут происходит, поэтому они так часто меняют свое мнение. Российский фондовый рынок открылся для мира в 1995 году, в первые годы посткоммунистических реформ, и с тех пор большинство лет заканчивал либо в тройке самых эффективных рынков мира, либо в тройке наихудших.

Считается, что деньги кричат, а истинное богатство шепчет, но в Москве оно пляшет на стойке бара. Эта мировая столица — настоящая витрина состояний чванливых нуворишей, непревзойденных по своему кричащему безвкусию: дикие вечеринки в будние дни, дорогие проститутки, толпящиеся в вестибюлях роскошных отелей, шампанское по 10 тысяч долларов за бутылку. Я видел много удивительного и даже экстраординарного и в других столицах развивающихся стран, но в Москве это выведено на принципиально новый уровень. Я, например, знаком с московскими бизнесменами, которые ездят по выходным

в лес за грибами — на вертолете. Для высших слоев здешнего общества характерна настолько безграничная страсть к потреблению, что, по словам местных историков, зачастую ситуация сильно напоминает времена заката Древнего Рима. Однако, за исключением разве что Санкт-Петербурга, прекрасной, изрезанной каналами «северной столицы» России, построенной Петром I, все остальные второстепенные города страны серы и мрачны; они до сих пор советские, и по внешнему виду, и по нравственным устоям.

Путешествие по России напоминает путешествие во времени: Москва и Санкт-Петербург связаны между собой ультрасовременной высокоскоростной железной дорогой, вагоны для которой импортируют из Германии, но средний возраст остальной части российского железнодорожного парка составляет двадцать лет. Это означает, что почти половина используемых сегодня железнодорожных вагонов были произведены еще в советскую эпоху. Путешествие в 700 километров из Москвы в Санкт-Петербург занимает сегодня не более 4 часов, а на поездку примерно на такое же расстояние от Москвы до Казани, которую называют «третьей столицей» России, потребуется целых тринадцать часов. Правительство инвестирует в транспортную систему так мало — всего 20 процентов от ВВП, меньше половины показателя Китая, — что трещины в ней растут просто на глазах. Продажи автомобилей (особенно класса люкс) увеличиваются двузначными темпами, а автодороги вокруг Москвы буквально разваливаются, в результате чего дорожные пробки тут похлеще, чем в любой другой столице мира. Все крупные развивающиеся страны (за исключением Бразилии) в период экономического бума прошлого десятилетия модернизировали свои основные крупные аэропорты, но Пулково в Санкт-Петербурге так и остался устаревшим и изношенным, еще одним реликтом давно ушедших советских времен.

Все эти противоречия нельзя объяснить исключительно культурными особенностями России. Они коренятся и в том, как делаются дела сегодня: Кремль позволяет предпринимателям свободно процветать в розничной торговле и других потребительских секторах и при этом жестко на государственном уровне контролирует стратегические нефтяной и газовый сектора. Результат — две разные экономики в рамках одной системы, первая относительно свободная, другая на редкость авторитарная. В 2007 году я рассматривал эти противоречия как побочный эффект переходного этапа, через который России предстоит пройти на пути превращения в европейскую экономическую державу. Сегодня же эта ситуация представляется мне полупостоянной.

Россия — нефтяное государство, которое сбилось с пути. После распада Советского Союза в начале 1990-х страна прошла через стадию полного хаоса, когда ее экономика изо всех сил боролась за восстановление своих позиций, вспыхивали войны в Чечне, а президент Борис Ельцин усиливал общенациональную нестабильность личной нестабильностью: пьянствовал, постоянно увольнял министров, увеличивал государственный долг страны. Одним из крупнейших экономических фиаско администрации Ельцина была неудачная приватизация государственных отраслей промышленности. Этот процесс быстро переродился в распродажу по бросовым ценам основных активов олигархам с нужными связями в правительстве. После всего этого хаоса страна нуждалась в стабильности, которую ей обеспечил приход к власти Владимира Путина; благодаря новому президенту Россия вступила в десятилетие бурного процветания.

Как и многие другие новые лидеры развивающихся стран, поначалу Путин очень напугал Уолл-стрит. Его предыдущая карьера агента КГБ в сочетании с явными характеристиками сильной и даже жесткой личности породили на Западе опасения, связанные с возвратом к старым советским способам управления, возможно даже, к холодной войне. Скудная информация о стремительном восхождении Путина по карьерной лестнице в кулуарах муниципалитета Санкт-Петербурга способствовала самым невероятным домыслам и предположениям относительно намерений нового российского президента. А поскольку на момент вступления в должность Путину было всего сорок восемь лет, он мог править еще очень долго. Но за первые восемь лет правления он сделал в основном все, что тогда было нужно России. Он заключил сделку, позволявшую олигархам не беспокоиться за свои компании до тех пор, пока они не лезли в политику, и обеспечил жесткий контроль над государственным долгом России.

Именно Путин породил в российском обществе здоровую паранойю и благоразумное отношение к своим нефтяным богатствам. В начале 2000-х, когда цена на нефть перевалила за 30 долларов за баррель, Путин и его главные экономические консультанты очень боялись, что она снова упадет до 20 долларов. Экономика страны сильно пострадала из-за резкого падения цен на нефть в 1990-х годах, и теперь плановики сосредоточили внимание на мерах спасения ситуации на случай, если это произойдет вновь. В итоге были созданы запасы на черный день — так называемый нефтяной стабилизационный фонд; к 2007 году в нем было более 225 миллиардов долларов.

В первые годы правления Путин провел ряд важнейших реформ: по укреплению банковской системы, по ослаблению бюрократии при основании новых компаний, по снижению подоходного налога физических лиц до 13 процентов и многие другие. Все это стимулировало потребительский бум в стране. Цены на нефть росли, и деньги текли рекой. Улицы Москвы начали выглядеть по-европейски, их заполнили всевозможные кафе и магазины брендовых европейских розничных сетей. На дорогах невероятно уродливые доморощенные автомобили «Лада» уступили место Mercedes и BMW. Невыносимую для глаза одежду 1970-х сменили новейшие модные тенденции из Милана и Парижа. Типичный россиянин сегодня имеет два и больше мобильных телефонов, в то время как 60 процентов китайцев и 40 процентов индийцев не могут позволить себе даже одного. Начиная с конца 1990-х годов средний доход на душу населения в России вырос с 1500 до 12 тысяч долларов, больше чем в два раза превысив показатель Китая. Все это, понятно, в полной мере сочеталось со стремлением многих россиян восстановить статус своей страны как крупного игрока глобального рынка давних времен холодной войны.

В 2007 году я описал Путина — к тому времени он был уже невероятно популярен, — как одного из немногих лидеров развивающихся стран, который явно понимает взаимосвязь между экономическими достижениями и политическим успехом государства. Тогда казалось, что Россия начала развиваться и вне нефтяного сектора: такие отрасли, как СМИ и розничная торговля товарами широкого потребления, были на подъеме. Конечно, усиливающийся контроль государства в стратегических секторах, таких как нефтяная, газовая и горнодобывающая промышленность, — а также заключение в тюрьму по сомнительным обвинениям нефтяного олигарха Михаила Ходорковского — отпугивали многих иностранных инвесторов. Однако те, кто был готов не обращать внимания на проблемы вроде дела Ходорковского, сорвали огромный куш. Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что это были поистине неповторимые для бизнеса времена.

Россия пережила один из самых мощных бумов внутреннего спроса среди всех развивающихся стран мира. Акции банков, СМИ и компаний потребительского сектора дорожали на глазах — несмотря на то что цены на ценные бумаги российских нефтяных и газовых компаний практически зависли на одном уровне, отягощенные так называемой «российской скидкой», обязательной для любого бизнеса, подконтрольного Кремлю. Эти компании могли «сидеть» на нефтяных трубах стоимостью в миллиарды, но всем было понятно, что управляет

ими в интересах Министерства финансов России или в личных интересах инсайдеров, но никак не в интересах миноритарных акционеров. В период между 2003 и 2007 годами экономический рост в стране в среднем составлял около 8 процентов, и хотя китайская и индийская экономики росли быстрее, из-за «российской скидки», отпугнувшей многих иностранных конкурентов, российские компании получали большую прибыль.

К концу 2007 года, впрочем, экономический пейзаж в стране начал меняться. По мере роста цен на нефть росло и высокомерие нации. С начала 2006 по середину 2008 года стоимость необработанной российской нефти взлетела более чем на 205 процентов, достигнув показателя в 140 долларов за баррель. Правительство Путина забыло о прежних опасениях и уверовало в то, что цены будут и впредь продолжать расти, подстегиваемые спросом со стороны Китая и других крупных формирующихся рынков. Осторожный подход к бюджетным расходам был отброшен в сторону — расходы на пенсии и прочие социальные программы росли на 20–30 процентов в год, все больше истощая государственную казну. И когда в 2008 году разразился мировой кризис, правительство было вынуждено запустить руку в стабилизационный нефтяной фонд. В итоге этот фонд сильно оскудел: если на конец 2008 года он составлял 225 миллиардов долларов, то к концу 2010-го уменьшился до 114 миллиардов.

Сегодня для обеспечения сбалансированного бюджета Россия нуждается в постоянном повышении цен на нефть — основной источник государственных доходов этой страны. В 2009 году впервые за много лет стоимость барреля нефти упала ниже точки безубыточности для России. Тогда нефть стоила около 60 долларов за баррель, а России нужна была цена, приближающаяся к 100 долларам. В прошлом году этот разрыв не уменьшился, и ожидается, что он останется в пассиве до 2012 года. При этом кремлевские лидеры, составляя бюджет на 2011 год, исходили из того, что цена на нефть поднимется до 100 долларов и уже не упадет.

Суть всех этих рассуждений в том, что Россия была поистине удивительной историей возрождения — но только до 2008 года, когда финансовый кризис показал, что ей не хватает институциональной силы и политической воли для осуществления серьезных реформ, способных обеспечить быстрый экономический рост, особенно теперь, когда ее экономика стала сравнительно большой. Задача дальнейшего роста при доходе на душу населения в 12 тысяч долларов намного сложнее задачи роста с базы в 1500 долларов, которая стояла перед страной

десять лет назад. Возможно, Владимир Путин оказался именно тем человеком, который сумел спасти Россию от распада в 1999 году, но сейчас вовсе не ясно, есть ли у него верное видение, способное вывести страну на новый уровень экономического развития. В 2011 году Путин объявил о планах в очередной раз баллотироваться на пост президента, и у него есть все шансы оставаться там до 2024 года, то есть в общей сложности четверть века.

Правила уличного движения: Москва

Будьте бдительны, если лидеры страны остаются у власти, исчерпав свои возможности. При любой системе правления упорное стремление лидеров удержать власть в своих руках — это очень тревожный знак. В такой ситуации фокус их внимания, как правило, смещается на защиту глубоко корыстных интересов, и они не слишком много думают о том, как предложить своей стране новое перспективное видение. Ярчайшими примерами могут стать бывшие республики СССР, от Беларуси до Туркменистана и Казахстана: их лидеры без особых раздумий отменяют ограничения сроков президентских полномочий, а то и вовсе «миропомазали» себя пожизненным президентством. Однако, к сожалению, заметные успехи развивающихся стран последнего десятилетия убедили многих лидеров Африки и Латинской Америки в том, что достижения их государств — их личная заслуга. В Камеруне и Нигерии, Боливии и Венесуэле некомпетентные или коррумпированные лидеры присвоили себе право самовольно продлевать срок своих полномочий. Распространенная уловка — уход в отставку с передачей полномочий супругу или супруге. Именно так Киршнеры прошли время своего пребывания у руля Аргентины, которой в последние годы управляли настолько неэффективно, что в итоге Уолл-стрит исключила страну из списка развивающихся рынков.

Сильная сторона, которую используют слишком активно и простирают слишком далеко, рано или поздно обязательно становится слабостью. Российское правительство все больше сосредотачивается на развитии и поддержке государственных компаний-лидеров из сектора природных ресурсов — при необходимости выдавливая с рынка иностранные транснациональные корпорации, — и все меньше

на развитии частного сектора. Начиная с 2008 года компании, не относящиеся к нефтяной промышленности, например местные автопроизводители и сектор недвижимости, добивались довольно жалких результатов; процесс анемичного восстановления мировой экономики их никак не коснулся. Из-за спада экономической активности рост потребительского сектора и сектора розничной торговли застопорился, и сегодня страна остро нуждается в каком-то другом, кроме нефти, источнике роста доходов для возрождения этих секторов. Сейчас российская экономика изо всех сил пытается добиться хотя бы 4-процентных темпов роста; по этому показателю Россия отстает от большинства развивающихся стран.

В развивающихся странах бытует старая мудрость: богатая страна производит богатые вещи. Южная Корея и Тайвань, например, выпускают множество видов высокотехнологичных продуктов и создали целый ряд глобальных потребительских брендов, от Samsung до Acer. Россия же не создает, по сути, ничего. На Московской фондовой бирже не зарегистрировано ни одной крупной и конкурентоспособной на мировом рынке производственной компании. Весьма печальный исход для страны, которая первой отправила человека в космос и дала миру двадцать семь лауреатов Нобелевской премии в области экономики и науки.

В России не существует золотой середины. Доля малых и средних предприятий здесь ниже, чем на любом другом крупном развивающемся рынке мира. Маленьких, динамичных и предприимчивых компаний, сыгравших решающую роль в экономическом подъеме Японии, Тайваня и Южной Кореи, в России практически нет. Это экономика находящихся под протекторатом государства промышленных конглomerатов, а маленького семейного магазина или ателье тут не найдешь.

Не лучшее место для ведения бизнеса

Многие россияне, разочаровавшись в возможности нормального ведения бизнеса в родной стране, в конечном итоге эмигрировали. По оценке Всемирного банка, по простоте ведения бизнеса Россия стоит на 120-м месте из 183 возможных. Достаточно, например, сказать, что в российских компаниях практически любого сектора экономики есть должность, которую я не встречал больше почти нигде, — специалист по связям с государственными чиновниками, берущими взятки. Вряд ли это можно считать удачным рецептом повышения рентабельности, а чем прибыльнее работает небольшая компания, тем

чаще становятся ее контакты со всякого рода взяточниками. Это ведет к потрясающему по объемам оттоку частного капитала с внутреннего рынка: в 2010 году из страны было вывезено 36 миллиардов долларов, а только в первом квартале 2011 года еще 29 миллиардов.

Еще одна простая, но часто игнорируемая проблема — география этого государства. Россия — одна из двадцати наименее густонаселенных стран мира; по сути, тут всего пять городов с критической массой потребителей и доходов, способной привлечь внимание глобальных брендов. Рассмотрим, например, задачу, которую поставила перед собой Magnit, крупнейшая по количеству магазинов розничная сеть России с более чем четырьмя тысячами торговых точек по всей стране. Начав с продуктовых магазинов шаговой доступности и перейдя на гипермаркеты, торгующие «всем, что нужно семье», Magnit открывала торговые предприятия поистине потрясающими темпами, по одному каждые восемь часов. Поскольку в России всего 800 крупных городов и лишь двенадцать из них города-миллионники, компания открывает свои магазины даже в городках с населением в 5 тысяч человек, и, по словам аналитиков, иногда дело заканчивается тем, что вывеска сети появляется на здании, больше напоминающем сарай, чем современное торговое предприятие. Снабжение столь широкой сети товарами представляет собой чрезвычайно трудную задачу, рефрижераторы компании нередко облезжают за рейс тысячи магазинов, разбросанных по многокилометровой территории. Позитивной же стороной данного проекта является то, что если Magnit сумеет утвердиться и начать процветать на столь сложном рынке, бизнес, скорее всего, будет очень выгодным. В связи с этим компания поставила перед собой весьма амбициозную цель — ежегодный рост в 40–50 процентов.

Российский бизнес-климат в равной степени невыносим и для иностранцев. Красноречивый факт: Россия — единственная крупная страна мира, которая все еще требует от командировочных и туристов перед походом в посольство России для заполнения заявления на визу подавать официальный запрос в МИД России. Это вряд ли способствует созданию дружественной для бизнеса атмосферы и особенно странно, учитывая, что многие россияне мечтают о том, чтобы их столица Москва стала когда-нибудь одним из финансовых центров мира.

Отсутствие середины

В России богатство и власть все больше сосредотачиваются в Москве, и правительство все жестче контролирует бизнес. В настоящее время

в стране проживает 101 миллиардер; по этому показателю Россия уступает только США (там 412 миллиардеров), хотя ее экономика намного меньше японской, немецкой, китайской и многих других. В одной только Москве 69 миллиардеров — наибольшая концентрация для любого города мира... Экономика России (1,8 триллиона долларов) и ее фондовый рынок (общая стоимость 785 миллиардов долларов) составляют лишь четверть от соответствующих показателей Китая, но российские миллиардеры владеют почти вдвое большими богатствами, нежели их китайские «коллеги», и конкуренция среди них несравненно меньше. В список Forbes 2011 года вошли восемь из десяти миллиардеров России, которые входили также в предыдущий список, опубликованный пять лет назад.

Конечно, этого и следовало ожидать, ведь почти 80 процентов российских миллиардеров сколотили свои состояния в сырьевых отраслях промышленности, в частности нефтяной и газовой. В этих секторах успех всецело зависит от государственной поддержки, и, если относиться к своим покровителям правильно, можно сохранять выгодные контакты на протяжении долгих лет. Однако за рамками нефтяной и газовой отраслей Россия генерирует в лучшем случае очень скромные богатства. Поэтому прямо за миллиардерами тут зияет дыра — это место для отсутствующего в этой стране класса очень богатых людей. Занимая второе место в мире по числу миллиардеров, страна вообще не входит в список Boston Consulting Group, включающий пятнадцать государств с наибольшим количеством миллионеров. Китай, третий в мире по миллиардерам, третий и по миллионерам; в этой стране их 1,1 миллиона. В Испании, номер пятнадцать в списке BCG, 260 тысяч миллионеров; стало быть, в России, которая в него не вошла, их значительно меньше. Такое отсутствие середины — в определенной мере следствие способа создания богатства в России после падения коммунизма. В здешнем перечне миллиардеров очень мало динамичных предпринимателей, если таковые вообще имеются, и большинство из них переместились в этот список из той группы олигархов, которые во времена ельцинских «распродаж» скупали крупные государственные компании за бесценок.

Многие сторонние инвесторы пытаются выиграть в инвестиционной игре в России, исключительно наблюдая за крупнейшими олигархами. Они стараются выяснить, сколько нефтяных денег в чьи карманы течет, а затем ставят на олигархов, замеченных в наиболее тесных связях с нынешними властями. В одном из своих обращений к клиентам, опубликованном в 2011 году, крупный американский банк представил

анализ, куда в России идет «рента» (пренебрежительное жаргонное название монопольной прибыли), то есть сколько возвращается населению, сколько направляется обратно в экономику и сколько «прибирают к рукам олигархи». В конце обращения банк советует клиентам «держаться олигархов, наиболее преуспевших в получении доступа к рентным потокам», и предлагает на выбор несколько компаний, на которые, по его мнению, стоит обратить особое внимание.

Это классическая ошибка развивающихся рынков: на первый взгляд, данный подход кажется разумным использованием инсайдерской информации, но он очень рискованный, ибо, как только меняется политическая система — а это может произойти в любой момент, — выбранный вами олигарх буквально в одночасье может остаться у разбитого корыта. Мы уже не раз становились свидетелями того, как подобное случалось с инвесторами, которые слишком смело ставили на олигархов и компании, имевшие тесные связи с сильными лидерами, например Таксином Чинаватом из Таиланда (свергнут в 2006 году в результате переворота) или египетским Хосни Мубараком (свергнут в результате народных восстаний 2011 года).

Но больше всего сегодня меня поражает не то, что происходит в России, а то, чего там не происходит. Одно из самых вопиющих различий между Европой и Россией — это современная банковская система, которой в России, по сути, нет. В здешней банковской системе доминирует один крупный банк, а поскольку очень немногие россияне инвестируют у себя на родине, получить кредит какого-либо типа тут довольно трудно. Ипотечный рынок практически отсутствует; на его долю приходится всего около трех процентов от ВВП, самый низкий показатель среди развивающихся стран. Поэтому при покупке дома россияне расплачиваются наличными. Здешние малые предприятия платят по коммерческим кредитам процентную ставку в 15–20 процентов. Россияне очень мало занимают деньги в банках: общий объем кредитов как доля от ВВП тут приблизительно такой же, как в значительно более бедных странах, например в Египте. Здешний финансовый сектор вообще больше напоминает соответствующие сектора приграничных рынков вроде Нигерии, нежели крупной развивающейся страны.

В преддверии кризиса 2008 года российские компании начали массово обращаться за кредитами в иностранные банки. Кремль же практически пребывал в неведении о том, что многие российские корпорации по уши увязли в долгах. Даже одной из крупнейших государственных нефтяных компаний страны пришлось брать заем у китайских государственных банков — под залог будущих поставок нефти.

У государственных компаний второго эшелона проблемы были еще крупнее, а когда кризис начал набирать силу, иностранные кредиторы и инвесторы поспешили поскорее убраться с российского рынка. В итоге Россия стала единственной крупной страной мира, которая, чтобы остановить отток капитала и не допустить обвала рубля, во время Великой рецессии была вынуждена пойти на повышение процентных ставок: ставки по краткосрочным кредитам в пиковый момент подскочили с 6 до 29 процентов.

Слабость финансового сектора России частично обусловлена тем, что это единственная крупная страна, валюта которой была дважды уничтожена за последние два десятилетия. Сначала рубль пережил девальвацию в 1991 году, после распада Советского Союза, а потом во время кризиса 1998 года. Кроме того, в период Великой рецессии Россия была единственной большой развивающейся страной, пережившей классический кризис банковской системы, когда ее центральный банк, чтобы спасти наиболее проблемные банки, был вынужден начинать их дешевыми деньгами. Это сделало положение России весьма уязвимым — наряду с Казахстаном, Нигерией и Украиной. Когда во время кризиса 2008 года иностранное финансирование внезапно прекратилось, на Московской фондовой бирже возникла паника, и за два месяца она «упала» на 74 процента — самое серьезное падение во всем мире.

Российские олигархи, многие из которых использовали акции своих компаний в качестве обеспечения по иностранным кредитам, были практически уничтожены. Для их спасения Кремлю пришлось запустить руку в валютные резервы и нефтяной фонд, созданный правительством на черный день. Соответственно, выжили те, у кого оказались самые полезные связи в верхах. Именно поэтому список богатейших российских миллиардеров в последнее время практически не изменился, разве что поуменьшились их состояния. А расплачиваться олигархам пришлось ужесточением государственного контроля без каких-либо дополнительных прибылей.

Кремль воспользовался процедурой спасения проблемных компаний, для того чтобы убедить владельцев бизнеса из таких отраслей, как горнодобывающая, передать свои акции сторонам, имеющим тесные связи с правящей партией страны «Единая Россия». Во время кризиса олигархам из этой отрасли во избежание банкротства приходилось закладывать огромные пакеты акций для получения кредитов от государственных учреждений. Правительство никогда не называло акции залогом, и, хотя благодаря данному маневру Кремль получил

мощные рычаги воздействия на облагодетельствованных им бизнесменов, Министерство финансов России от всего этого никак не выиграло. Сегодня среди московских бизнесменов ходят устойчивые слухи, что Кремль предлагает спасенным им олигархам — и весьма настойчиво и убедительно — финансировать проекты стоимостью в сотни миллионов долларов в Сочи, где будут проходить зимние Олимпийские игры 2014 года. Говорят, теперь иностранные инвесторы, встречаясь с владельцами российских компаний, в первую очередь интересуются: «А чего ваше правительство хочет от вас?»

А хочет оно власти и популярности, причем любой ценой. В последнее время Москва проявляет все большее желание заслужить благосклонность своего народа. В 2007 году правительство щедро увеличило пенсии, и с тех пор отношение пенсионных выплат к реальной заработной плате выросло еще больше, с 25 до 40 процентов. Даже когда разразился кризис, никто и не думал идти на попятную; при этом доля государства в экономике страны приближается к огромным 50 процентам, серьезно препятствуя дальнейшему экономическому прогрессу в России. Положительное сальдо, созданное Путиным в начале десятилетия, превратилось к 2010 году в дефицит бюджета в размере 4 процентов от ВВП.

Кроме того, в стране наблюдается дальнейшая криминализация политики; связи между правительством и бизнесом неуклонно укрепляются. Это мешает появлению в стране поистине предпринимательской культуры — культуры того типа, которая в свое время обеспечила процветание Японии, Южной Кореи и Тайваня и способствовала развитию малого бизнеса в этих государствах. Администрация Путина позволила коррупции распространяться практически бесконтрольно, вызывая немалые сомнения в отношении провозглашаемой ею приверженности идее реформ свободного рынка.

В итоге даже российские олигархи с отличными связями в правительстве утратили веру в свою страну. С 2004 по 2008 годы деньги текли в Россию рекой, но в 2009 году этот поток повернулся вспять. В настоящее время Россия представляет собой единственный крупный зарождающийся рынок, на котором показатель чистых прямых иностранных инвестиций в минусе — четкий знак, что россияне инвестируют за границей больше, чем иностранцы вкладывают в Россию. В 2010 году этот показатель составлял минус 10,5 миллиарда долларов, а в 2011-м отток капитала стал еще больше. Это говорит о том, что олигархи все сильнее обеспокоены медленным экономическим ростом и ухудшением делового климата на родине.

Иногда понять, куда же именно идут деньги российских олигархов, совсем нетрудно. Например, недавно один из них стал героем мировых СМИ из сферы недвижимости, выложив 78 миллионов долларов за особняк в Кремниевой долине. Иногда объекты их инвестиций загадочны и туманны. Одна из аномалий российской бухгалтерии заключается в том, что большие прибыли не всегда отображаются в потоках наличности, позволяя предположить, что деньги были вложены в весьма неоднозначные покупки. Я, например, подозреваю, что это вовсе не совпадение — что, по словам риелторов с юга Франции, многие роскошные виллы в Кап-Ферра и Монте-Карло в ценовом диапазоне 200–400 миллионов долларов выкуплены российскими олигархами и крупными государственными компаниями этой страны. Этакие уютные пристанища, места для бегства больших шишек.

И все же в стране можно найти некоторые признаки, указывающие на то, что Путин и его команда признают необходимость изменений. В конце 2010 года он попросил организаторов пригласить на пресс-конференцию в Москву знающего иностранного инвестора, чтобы тот дал для него честную оценку экономики России. И ваш покорный слуга провел презентацию — в блеске камер общенациональных телеканалов и в присутствии министров важнейших ведомств. Я говорил о том, что России будет трудно и впредь расти темпами, даже близкими к темпам последнего десятилетия, поскольку цены на сырье вряд ли будут расти столь стремительно, как в предыдущий период; что у России практически нет прошлого в других отраслях, кроме сырьевой; что государство играет в экономике слишком большую роль для страны со средними доходами. Путин слушал меня очень внимательно, делая пометки, и в заключение заверил, что правительство России намерено в скором будущем отказаться от некоторых нестратегических отраслей промышленности.

Слыша хорошие новости из России, нужно читать между строк

Даже к явно позитивным сведениям из России следует относиться осторожно. Например, вскоре после описанной встречи с Путиным правительство страны объявило о планах ускоренной приватизации государственных компаний. Но в России «приватизация» означает лишь то, что государство продает свою собственность, оставляя себе не 60 процентов, а 51 процент. В итоге получается, что оно владеет меньшим числом акций, но контрольный пакет по-прежнему принадлежит ему.

Еще один пример — то, как Кремль справляется, пожалуй, с наихудшей проблемой старения населения в развивающемся мире. По оценкам специалистов, в период между 2010 и 2015 годами население трудоспособного возраста в стране будет сокращаться примерно на 870 тысяч человек в год. Это означает ежегодное уменьшение данного показателя на 1 процент — вдвое выше среднеевропейского; единственный пример демографического спада среди крупнейших формирующихся рынков. В тот же период, с 2010 по 2015 годы, ожидается, что численность населения трудоспособного возраста в Индии будет расти почти на 2 процента в год, а в Китае на 0,5 процента (после чего в Китае также прогнозируют спад).

Одно из очевидных решений проблемы старения населения — иммиграция, разрешение на въезд в страну более молодым семьям из-за рубежа. Однако Россия в течение почти двух десятилетий после распада Советского Союза упорно не шла на эту меру. Возможно, обидевшись на бывшие республики СССР за то, что они с такой готовностью высказались в пользу национальной независимости, Россия после их ухода нагло захлопнула за ними двери. Но в 2007 году Москва все же ввела новые правила, благодаря которым Россия стала одной из немногих крупных стран мира, куда люди въезжают, а не выезжают. Из десяти самых густонаселенных государств сегодня только Россия и США имеют позитивный поток иммиграции. (В Китае, Индии, Бразилии и ЮАР этот показатель со знаком минус). Ожидается, что в 2011 году Россия примет 40 тысяч иммигрантов, в основном из бывших советских республик-сателлитов из Центральной Азии.

Однако, хотя приток иммигрантов, несомненно, явление позитивное, плюс этот совсем незначительный. Хорошо, что люди едут в страну, но 40 тысяч — капля в море для государства с населением в 140 миллионов, это никак не может решить тяжелейшую проблему старения населения России. А поскольку большинство иммигрантов русские либо, как минимум, русскоязычные — по сути, это в основном репатрианты, возвращающиеся домой после долгого отсутствия, — то, что на первый взгляд кажется открытием дверей в мир, на самом деле очередной поворот внутрь себя.

И данный шаблон — с виду реформы, а на поверку пустой жест — мы видим в России снова и снова. Например, не так давно президент Дмитрий Медведев стал инициатором создания современного научно-технологического инновационного комплекса Сколково на западе Москвы, призванного стать своего рода инкубатором технологических российских стартапов. Идея вполне согласуется с современным

прогрессивным мышлением, однако знающие люди считают, что это, прежде всего, способ защитить российских предпринимателей от алчных бюрократов, обеспечив их прямой связью с Кремлем. Или еще один пример. Инвесторы, вложившие средства в крупные российские розничные сети, были очень рады, услышав о решении Кремля закрыть в Москве огромный вещевой рынок под открытым небом — остров антисанитарии и криминала и прибежище для злостных нарушителей налогового кодекса в центре города — давний символ практики черного рынка, с которым законопослушным государственным компаниям было чрезвычайно трудно конкурировать. Но, копнув глубже, руководители компаний розничной торговли поняли, что это вовсе не шаг к построению более открытой и законопослушной экономики, а всего лишь ответная мера, направленная против владельца этого рынка, который, как говорят, отказался сотрудничать с высокопоставленным кремлевским чиновником в реализации проекта по строительству гостиничного комплекса в Чечне.

После многочисленных и кровопролитных боев с государственниками реформаторы в правительстве России складывают оружие. На протяжении многих лет в Кремле велась открытая война — дворцовые интриги у всех на виду, явление, абсолютно уникальное для России. Речь идет не о здоровой прозрачности, эта постоянная борьба представляется не чем иным, как самоцелью, и в конечном итоге очень мешает стране двигаться вперед. И на данный момент трудно сказать, каким образом Россия вернет себе свою былую харизму.

Путин по-прежнему пользуется в народе большой популярностью, что, как недавно сказал мне один из главных советников Медведева, является отражением «монархического менталитета» россиян. Под этим он имел в виду всеобщее преклонение российского народа перед авторитарными, сильными личностями и довольно прохладное отношение к идеям демократии и свободного рынка. Вряд ли эти слова можно назвать новым прочтением России, однако было весьма любопытно услышать их от одного из ключевых игроков и представителя реформаторских сил Кремля.

Куда же все это приведет Россию? Спустя два года после глобального финансового кризиса она остается одной из очень немногих развивающихся стран, где темпы роста значительно ниже докризисного уровня: по сравнению с докризисным уровнем в 7,2 процента они снизились почти вдвое. Страна сильнее большинства других пострадала и во время Великой рецессии, когда ее экономика сократилась более чем на 10 процентов. Из всех крупных формирующихся рынков Россия,

вероятно, последней восстановила былые объемы производства — ее экономика вернулась к докризисному пику только в конце 2011 года. Кроме того, хотя в период медленного восстановления в стране не должно быть большой инфляции, в России она становится все большей проблемой: уровень инфляции последние два года составлял тут в среднем 7,8 процента — сравните со средним для формирующихся рынков показателем в 4,5 процента. Большая инфляция наблюдалась только в Индии, экономика которой растет намного быстрее российской, да в Египте со всеми его политическими потрясениями последнего времени. Это сочетание медленного экономического роста и серьезной инфляции позволяет предположить, что потенциальные темпы роста России неуклонно снижаются: Россия, как и Бразилия, так мало инвестировала в новые заводы, дороги и промышленное оборудование, что ее рабочая сила становится все менее и менее продуктивной. И чтобы восстановить прежний потенциал роста, Россия нуждается не только в новой, не нефтяной, модели экономического развития. Она нуждается в новом, не монархическом, менталитете народа.

Дорожное движение в Сан-Паулу настолько затруднено, что главы крупнейших бразильских компаний создали для себя альтернативную транспортную систему — сеть посадочных площадок на крыших офисных небоскребов. Теперь топ-менеджеры могут летать из штаб-квартиры в штаб-квартиру на вертолете